
II. ПРЕЗУСЫ «МАЙОРСКИХ» КАНЦЕЛЯРИЙ, УЧРЕЖДЕННЫХ 9 ДЕКАБРЯ 1717 ГОДА

«ИЗВОЛТЕ... С НАЗНАЧЕННЫМИ АФИЦЕРАМИ... ЕХАТЬ СЮДА В НЕМЕДЛЕННОМ ВРЕМЯНИ»: КНЯЗЬ П. М. ГОЛИЦЫН

1722 года января 21 дня в Спасо-Преображенском соборе Московского кремля состоялась необычно торжественная церковная служба. В тот день в неприметный старинный храм у стен Большого Кремлевского дворца явились высшие церковные иерархи, сенаторы, генералы, недавно прибывший в Москву гетман Малороссии И. И. Скоропадский, а затем и сам Отец Отечества, император всероссийский Петр Великий. Во время Божественной литургии к государю приблизился офицер, который сообщил ему о только что последовавшей кончине князя Петра Михайловича Голицына²⁷⁴.

Кто же такой был П. М. Голицын? И почему о его смерти императору было доложено прямо в ходе богослужения?

Петр Михайлович принадлежал к знатному и разветвленному роду князей Голицыных, которые вели происхождение от великого князя Гедимина²⁷⁵ (Gedemminus), правителя Великого княжества Литовского в 1316—1341 годах. Непосредственным родоначальником фамилии Голицыных явился потомок Гедимина — князь Михаил Булгаков-Голица, боярин великого князя московского Василия II Ивановича²⁷⁶.

Ко времени прихода к власти Петра I Голицыны прочно вошли в ряды правящей элиты России, стали одним из наиболее влиятельных аристократических кланов. Достаточно сказать, что в XVII веке девять представителей рода были удостоены высшего чина боярина²⁷⁷. Причем один из этих бояр — князь Б. А. Голицын (1654—1714) — состоял при будущем императоре воспитателем.

П. М. Голицын был средним сыном боярина князя Михаила Андреевича Голицына (1639—1687) и Прасковьи Никитичны, урожденной Кафтыревой (1655—1715)²⁷⁸. Семья была многодетной: Петр Голицын имел четырех сестер и троих братьев²⁷⁹ (старший из которых родился в первом браке отца*).

И оба старших брата, и младший брат князя Петра Михайловича проявили себя как выдающиеся государственные и военные деятели России XVIII века. Д. М. Голицын (1665—1738) состоял президентом Камер-коллегии, сенатором, членом Верховного тайного совета, дослужился до чина действительного тайного советника. М. М. Голицын-старший (1675—1730) стал прославленным полководцем Великой Северной войны, генерал-фельдмаршалом, президентом Военной коллегии. М. М. Голицын-младший (1684—1764) достиг должностей президента Адмиралтейств-коллегии и сенатора, чина генерал-адмирала. Все трое братьев были удостоены обоих высших орденов того времени — Святого Александра Невского и Святого Андрея Первозванного²⁸⁰.

Не менее видной фигурой в правительственной среде XVIII века являлся двоюродный брат и тезка Петра Голицына — П. А. Голицын (1660—1722). Князь Петр Алексеевич был первым российским послом в Священной Римской империи, архангелогородским, рижским, а затем киевским губернатором, сенатором «первого призыва». В 1710 году Петр I возвел его в кавалеры единственного тогда ордена Святого Андрея Первозванного²⁸¹.

Поскольку П. М. Голицыну оказалось суждено уйти из жизни в сравнительно раннем возрасте, память о Петре Михайловиче была, аллегорически выражаясь, закрыта тенью судеб его знаменитых родственников. Неудивительно поэтому, что введенные к настоящему времени в научный оборот сведения о нем скудны, фрагментарны и отчасти недостоверны.

Согласно надгробной надписи, родился Петр Михайлович 11 июля 1682 года²⁸². Поскольку в 1682 году боярин Михаил Голицын служил воеводой в Пскове²⁸³, не исключено, что его сын Петр появился на свет именно там. Обстоятельства первых двадцати шести лет жизни П. М. Голицына поныне достаточно туманны.

* Этот факт очевиден из сопоставления дат рождения П. Н. Кафтыревой (1655) и Д. М. Голицына (1665).

Точно известно, что в отличие от старших братьев Дмитрия и Михаила-старшего, успевших стать комнатными стольниками царя Петра Алексеевича²⁸⁴, П. М. Голицын не получал никакого старомосковского чина. По данным последнего историографа гвардейского Семеновского полка императорской армии гвардии поручика П. Н. Дирина, князь Петр Голицын начал службу в Семеновской потешной роте, при учреждении в 1695 году Семеновского полка был зачислен в его состав с чином поручика, а в 1698 году произведен в капитаны²⁸⁵.

Однако при том, что в потешные роты могли зачисляться лица весьма юного возраста (М. М. Голицын-старший вступил в ту же Семеновскую потешную роту в 1687 году, двенадцати лет от роду, начав фельдмаршальскую карьеру учеником барабанщика²⁸⁶), сведения, приведенные Петром Дириным о службе П. М. Голицына, представляются не вполне достоверными. Тем более что никаких подробностей служебно-боевой деятельности князя Петра Михайловича за вторую половину 1690-х — первую половину 1700-х годов выявить на сегодня не удалось.

Из этого периода жизни Петра Голицына известно также, что в 1703 году в Москве он вступил в брак с княжной Феодосьей Долгоруковой, дочерью покойного боярина В. Д. Долгорукова и родной сестрой уже упоминавшегося гвардии капитана князя В. В. Долгорукова²⁸⁷, будущего руководителя одной из первых следственных канцелярий Петра I, а впоследствии генерал-фельдмаршала. В приданое за невестой П. М. Голицын получил поместье внушительной стоимостью две тысячи рублей. Брак князя Петра Михайловича и княжны Феодосьи Владимировны оказался бездетным.

Лично знавший П. М. Голицына в последний год его жизни камер-юнкер герцога голштинского Ф.-В. Берхгольц назвал князя «одним из воспитаннейших и образованнейших русских»²⁸⁸. Однако где именно и когда Петр Голицын сумел получить образование, совершенно не ясно.

По крайней мере, документально установлено, что в отличие от старшего брата Дмитрия Михайловича и двоюродного брата Петра Алексеевича Петр Михайлович не был включен в группу из 66 дворян, направленных в январе 1697 года в длительную образовательную командировку в Западную Европу²⁸⁹. Вместе с тем из сохранившихся в архивных документах образцов подписи П. М. Голицына явствует, что он достаточно уверенно владел пером (чего

нельзя сказать о Михаиле Голицыне-старшем, который не имел навыка связного письма, расписываясь «черточками»).

Первое бесспорное свидетельство о боевой службе П. М. Голицына относится к 1708 году. Согласно документам полкового архива, майор Семеновского полка Петр Голицын принял участие в уже не раз упоминавшемся сражении 28 сентября 1708 года с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Левенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt) при деревне Лесная. В этом сражении (Семеновский полк понес тогда самые значительные за всю Великую Северную войну потери*) князь Петр Михайлович получил ранение в голову («нос перешиблен пулею») ²⁹⁰. На следующий год майору П. М. Голицыну довелось участвовать в Полтавской битве ²⁹¹.

В начале 1710-х годов в карьере Петра Голицына наступил перелом: он был поставлен во главе Семеновского полка (точная дата этого события неясна) ²⁹². Учитывая, что предшествующее десятилетие Семеновский полк находился под командованием (непосредственным либо общим) М. М. Голицына-старшего**, представляется возможным предположить, что Петр I целенаправленно ставил семеновцев под начало боевых офицеров из клана Голицыных.

В 1711 (или в 1712) году П. М. Голицын был произведен в подполковники Семеновского полка, а 15 ноября 1716 года царь присвоил ему параллельный чин «полевого» генерал-майора ²⁹³.

Первое соприкосновение Петра Голицына с органами следствия произошло в 1715 году, когда ему довелось выполнить поручение главы следственной канцелярии гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова по выяснению неких эпизодов злоупотреблений должностных лиц Санкт-Петербургской губернской канцелярии ²⁹⁴. Поручение оказалось разовым, и более к работе в следственной канцелярии шурина П. М. Голицын не привлекался.

Ситуация изменилась осенью 1717 года, когда Петр Голицын переводил Семеновский полк из Ревеля*** на зимние квартиры в Псков. 11 ноября 1717 года Владимир Долгоруков направил Петру Михайловичу царский указ о

* Из 1200 семеновцев, принявших участие в сражении, 144 были убиты и 690 ранены.

** Был произведен в подполковники Семеновского полка 11 сентября 1701 года.

*** Ныне Таллин (Tallinn), столица Эстонской Республики.

его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Как гласил указ, «изволте по получении помянутого царского величества указа с назначенными... афицерами ехать сюда в немедленном времени»²⁹⁵. Вместе с полковым командиром в столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев.

Внешне ординарный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни гвардии подполковника П. М. Голицына. По всей очевидности, собранные в столице гвардейские офицеры (помимо семеновцев туда были направлены еще восемь преображенцев) образовали собой военно-судебное присутствие («кригсрехт»), перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М. И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы.

Поскольку подсудимый числился офицером Семеновского полка, председателем («презусом») суда, вероятнее всего, стал Петр Голицын. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап- и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Дело в том, что в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия. До сих пор для расследования особо важных уголовных дел учреждались взаимоизолированные следственные канцелярии, организация и функционирование которых никак не регулировались нормативно (первой из них как раз и была канцелярия под руководством М. И. Волконского, основанная в июле 1713 года). Теперь вместо них Петр I решил создать целостную систему одинаково устроенных канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

В конце ноября — начале декабря 1717 года царь подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава задуманных новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)²⁹⁶ и черновой проект типового «Наказа» их руководителям²⁹⁷. Объявление об учреждении новых семи канцелярий (вскоре названных царем «майорскими»²⁹⁸) и обнародование «Наказа» состоялось в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года — в день публичной казни Михаила Волконского. Одну из этих канцелярий возглавил князь П. М. Голицын.

Новые канцелярии имели коллегиальное устройство, сходное с организацией кригсрехта: при презусе состояли два или три ассессора, младших участника следственного производства. Ассессорами в канцелярию Петра Голицына были определены его давние сослуживцы, заслуженные боевые офицеры: капитаны Преображенского полка князь Г. А. Урусов (о нем еще пойдет речь) и А. К. Петров-Солово²⁹⁹, а также капитан-поручик Семеновского полка И. Ф. Козлов³⁰⁰.

Аппарат следственной канцелярии составили 11 подъячих во главе с дьяком А. Ф. Докудовским, откомандированных из Ближней и Военной канцелярий, Поместного приказа и Санкт-Петербургской губернской канцелярии³⁰¹.

Как явствует из архивного документа, в производство следственной канцелярии Петра Голицына была передана подборка резонансных уголовных дел по обвинению различных должностных лиц в преступлениях против интересов службы³⁰². Подследственными князя Петра Михайловича оказались московский губернатор К. А. Нарышкин (присвоение имущества жителей завоеванного Дерпта*, самовольное установление губернского налога, использование работных людей на строительстве собственного дома); бывший адмиралтейский советник, некогда весьма близкий к царю, А. В. Кикин** (организация фальшивых подрядов провианта под именем Барсукова); нижегородский вице-губернатор С. И. Путятин (махинации при организации подрядов на поставку алкоголя, сбор денег с населения в свою пользу); бывший Санкт-Петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков и его брат, бывший Белозерский комендант В. Н. Римский-Корсаков (казнокрадство, получение взяток, участие в фальшивых подрядах).

Еще одним подследственным П. М. Голицына стал Санкт-Петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии и сенатор, генерал-фельдмаршал, светлейший князь А. Д. Меншиков. Он обвинялся в организации все тех же фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансо-

* Ныне Тарту (Tartu), административный центр одноименного уезда Эстонской Республики.

** А. В. Кикин руководил созданием и первоначальной деятельностью петербургского Адмиралтейства, был шафером на свадьбе Петра I и Екатерины Алексеевны. В личной переписке 1700-х годов царь обращался к нему «дедушка» или по-голландски «Min Her Grotvader» («мой господин дедушка»).

вых махинациях. Необходимо отметить, что в случае с делами Александра Меншикова, Александра Кикина, Якова и Василия Римских-Корсаковых речь шла в действительности о продолжении расследования, осуществлявшегося в отношении этих лиц с 1714 года следственной канцелярией В. В. Долгорукова (как уже упоминалось, фактически ликвидированной в декабре 1717 года).

Наибольшая сложность, с которой столкнулся в связи с делом А. Д. Меншикова князь Петр Голицын, заключалась в том, что в декабре 1717 года Петр I не освободил Александра Даниловича на период расследования ни от одной из занимаемых им высоких должностей. И хотя Петр Михайлович являлся заслуженным гвардейцем и представителем одного из аристократических кланов, его тогдашнее влияние в коридорах власти было все же несопоставимым с могуществом «полудержавного властелина» Александра Меншикова.

Быстрее всего канцелярия П. М. Голицына завершила расследование уголовного дела Александра Кикина. Уже в начале 1718 года канцелярия подготовила обвинительное заключение, в котором за получение «воровской» прибыли в особо крупных размерах предложила приговорить Александра Васильевича к смертной казни³⁰³. Однако вскоре бывший адмиралтейский советник оказался осужден совсем по другим обвинениям.

В ночь на 7 февраля 1718 года в Санкт-Петербурге генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, экстренно вызвав к себе во дворец генерал-майора П. М. Голицына и нескольких старших офицеров гвардии, объявил им только что доставленный курьером секретный указ Петра I. Одновременно по тревоге была поднята небольшая команда гвардейских солдат.

Во дворце светлейшего князя офицеров и солдат разделили на две группы. Первая группа, возглавленная А. Д. Меншиковым и Петром Голицыным, арестовала в собственном доме Александра Кикина³⁰⁴. Вторая взяла под стражу Ивана Афанасьева, камердинера царевича Алексея Петровича. Водворив закованных «в железа» арестантов в гвардейских казармах, участники операции в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы³⁰⁵.

Эти ночные аресты явились одними из первых следственных действий в многоэпизодном уголовном деле по обвинению в государственной измене наследника престола — царевича Алексея Петровича. 11 февраля 1718 года в

Петропавловской крепости Александр Кикин был допрошен* А. Д. Меншиковым и П. М. Голицыным и под пыткой сразу же признался, что неоднократно советовал Алексею Петровичу бежать за границу³⁰⁶.

Затем А. В. Кикин был этапирован в Москву и в ходе дальнейшего следствия окончательно изобличен в пособничестве опальному царевичу. По приговору особого судебного присутствия Александр Васильевич Кикин был колесован в Москве 17 марта 1718 года, а его голова была насажена на кол³⁰⁷.

Помимо участия в начальных следственных действиях по делу царевича Алексея Петровича П. М. Голицыну довелось оказаться в числе судей на его процессе. Как и большинство гвардейских офицеров, князь Петр Михайлович был включен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 года Алексея Петровича к смертной казни³⁰⁸. Подпись П. М. Голицына стоит на приговоре 18-й по счету.

Как бы то ни было, следственная канцелярия П. М. Голицына продолжала работу. В начале июля 1718 года Петр Михайлович командировал асессора А. К. Петрова-Солово в Белозерский уезд для сбора доказательств о преступной деятельности бывшего тамошнего коменданта Василия Римского-Корсакова³⁰⁹. Итогом расследования стала некая высочайшая резолюция от 18 февраля 1720 года о взыскании с В. Н. Римского-Корсакова штрафных денег³¹⁰.

Несмотря на то что история с разоблачением «заговора» царевича Алексея Петровича привела к дальнейшему усилению позиций А. Д. Меншикова в окружении Петра I, Петр Голицын не стал сворачивать разбирательство финансовых махинаций светлейшего князя. В 1719 году растревоженный Александр Данилович обратился к царю с просьбой прекратить возбужденные в отношении него уголовные дела («чтоб я от всех канцелярей, где следуютца по моим делам, был свободен, и дабы никто ничем до меня не касались»). В первую очередь светлейший князь просил аннулировать решение следственной канцелярии П. М. Голицына о взыскании с него астрономического начета в 285 тысяч 17 рублей³¹¹.

* Допрос был проведен в соответствии с секретным указом Петра I от 7 февраля 1718 года, доставленным А. Д. Меншикову в середине дня 11 февраля.

15 марта 1719 года Петр I указал принять в производство канцелярии П. М. Голицына уголовные дела уже упоминавшейся следственной канцелярии Г. И. Кошелева³¹². Поскольку объем этих дел был весьма значителен, князь Петр Михайлович стал, по-видимому, добиваться отмены указа. В итоге глава государства переменял решение: он сохранил бывшую канцелярию Герасима Кошелева, назначив в нее 10 апреля 1719 года нового руководителя — гвардии майора М. А. Матюшкина³¹³.

Промежуточные итоги деятельности следственной канцелярии П. М. Голицына оказались подведены через три года после ее создания. В декабре 1720 года царь ознакомился с докладом Петра Михайловича о результатах расследования дел А. Д. Меншикова, В. Н. и Я. Н. Римских-Корсаковых, К. А. Нарышкина и С. И. Путятина. Вынесенные тогда Петром I решения по этим уголовным делам³¹⁴ доныне в научный оборот не вводились.

К началу 1720-х годов князь Петр Михайлович, подобно братьям Дмитрию и Михаилу-старшему, прочно вошел в окружение царя. Учитывая последующие карьеры других старших офицеров гвардии, выслуживших чины на фронтах Великой Северной войны, Петр Голицын имел вполне реальные перспективы стать генерал-аншефом или генерал-фельдмаршалом, сенатором или же генерал-губернатором. Особенно если принять во внимание принадлежность Петра Михайловича к аристократическому клану, отнюдь не утратившему могущество в годы единодержавия Петра I. Однако судьба П. М. Голицына сложилась по-иному.

Обстоятельства кончины Петра Голицына до сих пор не выяснены. Согласно взаимонезависимым свидетельствам находившихся тогда в Москве канцеляриста гетманской канцелярии Н. Д. Ханенко и камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, Петр Михайлович ушел из жизни после нескольких дней тяжелой болезни (камер-юнкер назвал ее «горячкой»)³¹⁵.

По всей очевидности, будучи крайне встревожен резким ухудшением состояния здоровья Петра Михайловича, Петр I распорядился регулярно информировать его о самочувствии гвардии подполковника. Именно поэтому о смерти П. М. Голицына, последовавшей 21 января 1722 года, главе государства было доложено, как уже отмечалось, прямо во время церковной службы. После окончания богослужения император сразу направился в дом покойного выразить соболезнования вдове, княгине Феодосье Владимировне³¹⁶.

Погребение князя Петра Михайловича состоялось 24 января. Многолюдная траурная процессия, в которой за саними с гробом пешком шли император Петр Великий и другие лица царствующего дома, медленно пересекла центр города по Тверской улице. Тело усопшего было опущено в землю под трехкратный ружейный залп батальонов Семёновского полка, выстроенных на церковном дворе³¹⁷.

С конца XVII века родовой усыпальницей князей Голицыных стал московский Богоявленский монастырь на Никольской улице. Именно там упокоились родители П. М. Голицына — боярин Михаил Андреевич и боярыня Прасковья Никитична³¹⁸. У стены напротив алтаря монастырской церкви Святого Алексия митрополита и был погребен гвардии подполковник Петр Голицын. Позднее в том же монастыре похоронили бывших следователей Петра I, ветеранов Великой Северной войны, князя Г. Д. Юсупова и И. Н. Плещеева.

В 1919 году Богоявленский монастырь был закрыт, дворянские захоронения разорены. В настоящее время храм Богоявления Господня вновь стал действующим, в его подвальном помещении сохранилось несколько надгробий и разбитых надгробных плит. Надгробной плиты П. М. Голицына среди них нет.

Поскольку князь Петр Михайлович был бездетен, то принадлежавшая ему небольшая усадьба в деревне Яковлевке (ныне территория городского округа Балашиха Московской области) на берегу реки Пехорки перешла по наследству к его брату — М. М. Голицыну-младшему. В настоящее время бывшую усадьбу князей Голицыных «Пехра-Яковлевское» (Леоновское шоссе, 1) занимает Российский государственный аграрный заочный университет.